

Література

1. Архів Коша Нової Запорозької Січі. Опис справ. 1713-1776. — 2-е вид., доп. і випр. — К., 1994.
2. Голобуцький В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування. 1734-1775. — К., 1961.
3. Гурбик А. Правові відносини та судочинство в Запорозькій Січі // Українське козацтво: витоки, еволюція, спадщина: У 3-х вип. — К., 1993. — Вип. 1.
4. Гуржій О. Українська козацька держава в другій половині XVII-XVIII ст.: Кордони, населення, право. — К., 1996.
5. Кузьмічов В. С. З історії розвитку знання про криміналістичні засоби і методи слідчої діяльності // Науковий вісник Академії внутрішніх справ. — 1996. — № 1.
6. Панащенко В. В. Полкове управління в Україні. — К., 1997.
7. Слабченко М. Паланкова організація Запорізьких Вольностей // ВУАН. Праці Комісії для вивчення історії західно-руського та українського права. — К., 1929. — Вип. 6.
8. Яворницький Д. І. Історія запорізьких козаків: У 3-х т. — Львів, 1990. — Т. 1.

*В. Н. Петров, кандидат исторических наук, доцент
(Региональный открытый социальный институт,
г. Курск, Россия)*

ПЕЧАТЬ ВРАНГЕЛЕВСКОГО КРЫМА (по мемуарным материалам)

Анализ мемуарных источников, принадлежащих перу общественных и государственных деятелей врангелевского Крыма, дает возможность получить дополнительные данные о состоянии печати и ее роли в жизни последнего оплота «белого движения» на юге России в 1920 г. Определенный интерес представляет сопоставление различных точек зрения по вопросам организации деятельности печати, цензуры и содержания публикаций.

21 марта 1920 г. генерал Врангель вступил в исполнение обязанностей правителя и главнокомандующего вооруженными силами России. В ряде выступлений перед представителями печати, со слов А. А. Валентинова, он «обещал в вопросах, касающихся внутреннего устройства Крыма и России, руководствоваться демократическими принципами и широко раскрыть двери общественности» [1, с. 337]. Эту же мысль генерал Вран-

гель подчеркнул 11 апреля в беседе с корреспондентом газеты «Вечернее время», излагая программу своей предстоящей деятельности: «При разрешении вопросов внутренней жизни я намерен обращаться к помощи общественности» [1, с. 344]

В области управления делами печати это выразилось прежде всего в попытке отойти от принципов тотального контроля за ее деятельностью, характерных для времен «Освага» и опереться на нее в проведении внутренней и внешней политики. Как замечает А. А. Оболенский, генерал Врангель считал, что с ответственностью «...до поры до времени нужно было ладить. ...Подчеркивать единение с ней нужно было по политическим соображениям дабы не шокировать представителей «великих демократий»» [2, с. 380]. «Осваг» был ликвидирован.

Но, по мнению наблюдавших, взаимоотношения власти и печати были довольно сложными и противоречивыми. «Врангель и Кривошеин очень дорожили поддержкой общественного мнения, в частности печати. Однако выходило так, что не печать служила поддержкой правительству, а правительство печати. Правда, «Осваг», на содержание которого правительство Деникина растрачивало огромные средства, был ликвидирован, но многие из деятелей этого недоброй славы учреждения прибыли в Крым и, конечно, атаковали правительство, добиваясь казенного иждивения и субсидий. И хотя «Осваг», как учреждение, и не был восстановлен, но дух его ожил в многочисленных получивших казенную субсидию газетах» [2, с. 384].

Аналогичной оценки в отношении попытки изменить управление деятельностью печати придерживается и А. А. Валентинов: «Был упразднен знаменитый «Осваг», составивший целую эпоху в период политики Особого совещания, но вместо одного «Освага» расплодилось чуть ли не дюжина маленьких «осважнют», представлявших в подавляющем большинстве случаев скверную карикатуру своего родоначальника. Началась какая-то лихорадка с подачей на имя главнокомандующего докладных записок проектов и (конечно!) смет, доказывавших необходимость учреждения новых органов осведомления, пропаганды и г. п. ...Почти весь отважный персонал («Освага» – В. П.) перекочевал в «новые» учреждения и органы осведомления. Вся эта публика наперегонки торопилась использовать искреннее расположение нового главнокомандующего к печати...» [1, с. 337].

Общее руководство делом печати и информации первоначально, до сформирования гражданских органов управления, было поручено Политическому отделу Генерального штаба [4, с. 265]. Начиная с апреля по июнь в деле постановки «новых начал» управления делами печати и произошли те изменения,

которые свелись к замене одного ведомства, «Освага», массой новых подобных ему органов и местных политических отделений.

Разуверившись, вероятно, в эффективности новой структуры управления печатью и пропагандой, генерал Врангель 26 июня 1920 г. отдает приказ, который гласил: «...Правительственная политика не нуждается в особых мерах искусственного влияния на общественное мнение и настроение народной массы, редко достигающих своей цели. Пусть судят по власти по ее действиям. В виду сего нахожу излишним существование специальных военных и гражданских организаций политической пропаганды и осведомления, все же дела о печати нахожу своевременным сосредоточить в ведении начальника гражданского управления» [4, с. 266; 1, с. 338]. Дальнейший текст этого приказа именно в силу его радикализма и военной точности перечня ликвидируемых звеньев управления позволяет судить о существовавшей до его появления структуре звеньев управления делами печати. Общее руководство делом информации и пропаганды осуществлял Отдел (Часть) печати, созданный в рамках Политического отдела Генерального штаба. Ему подчинялись политические отделения при штабах корпусов и военно-цензурное отделение. В состав органов, обеспечивавших деятельность прессы, входили телеграфное агенство «Юрта» и издательство «Военного Голоса». К ним также относился «целый ряд вскармливаемых правительством информационных органов: «Пресс Бюро», «Редагот», «Инфот», «Осогот», «Политотдел» [1, с. 337; 4, с. 274].

Вновь создаваемая система управления имела следующую структуру. Отдел печати передавался в ведение начальника Гражданского Управления, телеграфное агенство «Юрта» – управления иностранных дел, издательство оставалось в ведении генерального штаба. Центральное управление политической части и политические отделения при штабах корпусов упразднялись. Помимо этого структура была дополнена еще приказом по Гражданскому Управлению, согласно которому на местах создавались представительства «Юрта», подчиненные Гражданскому управлению, при Отделе Печати создавалось Культурно-Просветительное Отделение со службой Связи при нем [4, сс. 266-267]. Таким образом, дела печати были переданы гражданской власти, во главе которой был поставлен А. Кривошеев. Непосредственно работой вновь организованного Отдела печати руководил Г. Немирович-Данченко, позже – его заместитель Г. Вернадский [4, с. 267; 1, с. 345; 5, с. 388].

Состояние с постановкой газетного дела в Крыму по несколь-

ко эмоциональному замечанию В. Оболенского выглядело так: «Газеты росли как грибы. Сколько их было в Крыму, — не знаю точно, но во всяком случае, около двадцати, если не больше. Газет шесть или семь в Севастополе, четыре в Симферополе, две в Евпатории, а там еще в Ялте, Феодосии, Керчи...» [2, с. 384]. Скорее всего замечание о значительном росте числа газет при Врангеле можно считать некоторой натяжкой. Как замечает Н. Росс: «В городах Крыма выходило около 20 газет различных политических оттенков. Часть их существовала еще до революции, другие были созданы после 1917 года, но до времени правления Врангеля, последние, наконец, уже при нем» [4, с. 279].

С точки зрения общественно-политической принадлежности и отношения к власти большинство газет Крыма, как считает тот же В. Оболенский, были «определенно правового, явно монархического уклона». «Вся эта печать имела рептильный характер». Часть газет, такие как, субсидировавшиеся кооперативами, «Южные Ведомости» (Симферополь), социалистический «Ялтинский Курьер», «Юг России» (Севастополь), либерально-демократические «Известия Крестьянского Союза» (Симферополь) держались независимой позиции [2, с. 384].

При проведении классификации газет можно также сослаться на данные, приведенные Н. Россом, который считает, что их можно «разделить на 3 «либеральные», 4 «умеренные», 3 явно монархические, 4 крайне монархические, 3 профессиональные (2 — крестьянские, 1 — профсоюзная) и 3 официальные» [4, с. 281]. Большая, чем у Оболенского, дробность этой классификации, на наш взгляд, объясняется двумя обстоятельствами. Она вызвана различиями субъективных оценок, высказываемых авторами различных источников, которыми послужили воспоминания реальных участников событий. Характерным в этом отношении является замечание А. Валентинова о газете «Великая Россия», о которой В. Оболенский говорит, как о «...старавшейся быть умеренной» [2, с. 385]: «Сплошным олицетворением лести и прислужничества была бесспорно чебышевско-идульгинская «Великая Россия», пользовавшаяся особым благоволением ген. Врангеля и сыгравшая, как и при ген. Деникине, фатальную роль своим специфическим оптимизмом до последней минуты» [1, с. 349]. С другой стороны, — и при этой дробной классификации явственно видно, что в большинстве своем, суммарно 14 из 20, газеты носили явно проправительственный характер. К тому же и деятельность остальных в условиях военной диктатуры вряд ли могла носить сколько нибудь открыто выраженный оппозиционный характер. Подобные

попытки резко пресекались властью, о чем пойдет речь ниже.

К такому же выводу, предприняв попытку классифицировать газеты по иному, чем Оболенский основанию, фактически приходит и А. А. Валентинов. «Переходя к вопросу об общем положении печати, как к фактору, наиболее ярко характеризующему всякую внутреннюю политику, должно заметить, что оно было в Крыму далеко не равноправным. Существовавшие органы печати могут быть разделены на три категории: 1) военный официоз, каким считался «Военный Голос» и отчасти прекрасная казачья газета «Сполох» в Мелитополе, 2) независимая печать («Крымск. Вестник» и «Юг России» и в течение короткого промежутка времени несколько других газет), 3) казенно-коштная печать (вся остальная)» [1, с. 347].

В противоположность лояльно настроенных в отношении Врангеля представителей левоцентристских взглядов, мнения которых приводились выше, правые, к которым можно отнести монархически настроенного Н. В. Савича, оценивали общественно-политическую ориентацию крымских газет прямо противоположно. «Большим подспорьем, — пишет в своих воспоминаниях Н. Савич, — для агитации против власти Врангеля была существовавшая у нас свобода печати. В Крыму пышно расцвело газетное дело, количество периодических изданий было очень велико, притом преимущественно левого направления. Социалистические газеты просто работали на большевиков, конечно, под сурдинку, как то умеют делать социалистические писатели». Не жалуется Н. В. Савич и кадетскую прессу, которая для него также недостаточно правая. «Что касается кадетской прессы, то, несмотря на то, что отдельные представители этой партии поддерживали, насколько могли, власть, большинство их было нам враждебно» [5, сс. 387-388].

Правительственные органы имели существенные рычаги влияния на деятельность печати. Среди этих рычагов важнейшими являлись: финансовая поддержка прессы, цензура и возможность применения административных мер в отношении газет и их персонала. Субсидии от правительства получала подавляющая часть газет. «Насколько знаю, совершенно без казенной субсидии, в форме денежных дотаций или льготного получения бумаги, обходились только две — «Южные Ведомости» в Симферополе, субсидировавшиеся кооперативами, и закрытый вскоре социалистический «Ялтинский Курьер» [2, с. 384]. Проведенные Н. Россом исследования также свидетельствуют, что «лишь четыре газеты были лишены субсидий от правительства, но все в материальном отношении зависели от власти, так как она держала под своим контролем распределение покупаемой за границей бумаги» [4, с. 279].

Основной поддержкой со стороны правительства пользовалась, по мнению А. А. Валентинова, правая печать: «...Казеннокоштная печать находилась на положении кота на масленице. К ее услугам были все виды легальных и нелегальных субсидий. ...Субсидии эти сводились главным образом к следующему: 1) к выдаче бесплатной бумаги, 2) к гарантированию обязательными подписчиками, 3) к реквизиции типографий или машин, 4) к снабжению деньгами». Стремясь получить дотации, редакторы обращались не только к правительству, но и стремились заручиться поддержкой отдельных представителей власти, особенно генералитета. «Были газеты «кутеповские», «слащевские» и т. д.» [1, с. 349].

Аналогичную мысль высказывает и В. Оболенский: «Конечно, преобладание правых газет среди субсидированных правительством не было простой случайностью, ибо если еще можно допустить, что «правые руки могли творить левую (практическую) политику», то правая голова не могла говорить левые слова» [2, с. 385].

В противоположность мнениям, приведенным выше, Н. Савич считает, что поддержка «дружественной правительству печати» была явно недостаточна. Он винит в этом прежде всего руководителя Отдела печати Немировича-Данченко. «В его распоряжение были переданы большие средства воздействия на прессу. Он мог распоряжаться раздачей бумаги, что являлось сильным оружием, так как достать ее было трудно. ...Поддержка дружественной правительству печати не отличалась последовательностью и плановностью, напротив, иногда ею пользовались органы, нам враждебные, и в то же время газеты дружественные не могли получить помощи, так что иногда нужно было прямое вмешательство высших властей, чтобы заставить отдел печати выдать бумагу газете правого или монархического направления» [5, с. 388].

Таким образом, политикой правительства в отношении прессы были недовольны как умеренно левые, так и правые.

Официальная точка зрения о соотношении свободы слова и цензуры была высказана генералом Врангелем в беседе с представителями севастопольских газет в марте 1920 г.: «Уважая чужие мнения, я не намерен стеснять печать, независимо от ее направления, конечно, при условии, если это направление не будет дружественно нашим врагам». Но в условиях войны, когда «орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи», он высказался за военную и общую цензуру. По мнению начальника Отдела печати Г. В. Немировича-Данченко генерал Врангель относился к делам печати «немного слишком по воен-

ному». Руководитель Отдела Печати считал, что цензоры «должны были не допускать на страницах газет разглашения военной тайны, проповеди кощунства, порнографии и классовой борьбы. В остальном же Крымская печать могла иметь полную свободу обмена мнениями по всем, волновавшим общество вопросам...». В противоположность этому мнению заменивший Данченко на посту руководителя Отдела печати Г. Вернадский настаивал на том, что «совершенно не представляется возможным отказаться от аппарата военной цензуры, которая при этом должна находиться в расширенном виде, включая и политическую» [Цит. по: 4, сс. 276-277]. Такова точка зрения официальных должностных лиц.

Представители умеренно левых считали, что деятельность цензоров была настоящим бедствием для работы прессы. «Нерв общественной и политической жизни в Крыму – печать – был парализован. Система, которая практиковалась в отношении печати, развращала, деморализовывала ее. Она заключалась в том, что правящие круги путем цензуры, путем всякого рода административных воздействий, репрессий, совещаний стремились вогнать печать в такое русло, чтобы при абсолютном отсутствии элементарной свободы слова она все же имела вид независимой печати. ...Был установлен непреложный порядок, при котором всякая газетная строка проходила цензуру, произвол которой не знал границ» [3, сс. 439-440].

А. А. Валентинов указывает, что для печати, не пользовавшейся поддержкой правительства, «был предоставлен один лишь удел – бесконечная борьба с глупой, злобной цензурой» [1, с. 348]. Об этом же свидетельствует и В. Оболенский: «Эти газеты (независимые – В. П.) страдали от цензуры, выходили с белыми столбцами...» [2, с. 384].

Попытки ряда органов печати предпринять критический анализ деятельности администрации наталкивались на окрик властей и вели к ужесточению режима цензуры. Характерен в этом отношении приказ генерала Врангеля, изданный 27 сентября 1920 г.: «За последние дни в ряде органов печати появляются статьи, изобличающие агентов власти в преступных действиях, неисполнении моих приказов и т. д. При этом большею частью пишущие указывают, что долг чести русских людей помогать в моем трудном деле, вырывая язвы взяточничества, произвола и т. д.». После констатации данного факта предлагалось передавать имевшиеся сведения подобного характера специально созданной для этого комиссии. И делался вывод: «Огульную же критику в печати, а равно и тенденциозный подбор отдельных проступков того или другого агента власти объясняю не стрем-

лением мне помочь, а желанием дискредитировать власть в глазах населения, и за такие статьи буду взыскивать как с цензоров, пропустивших их, так и с редакторов газет» [Цит. по: 3, с. 441; 5, с. 279]. «Неудивительно, — замечает Г. Раковский, — что печатать не столько отражала жизнь, сколько извращала ее» [3, с. 440].

Но недовольство деятельностью цензоров высказывают и правые. «Существовавшая у нас цензура пользы не приносила», — замечает Н. В. Савич. Для монархиста Савича даже кадетская печать является левой: «Она всю деятельность строила на обличении и разоблачении ошибок отдельных слуг власти, думая, что этим приносит пользу общему делу... Систематически и изо дня в день выискивались большие и малые грешки чинов служилого аппарата, их отмечали, преувеличивали и обобщали. Все время оттенялись лишь слабые места, лишь ошибки, только промахи... Конечно, кадетская печать не стояла на стороне большевиков... Но невольно в статьях сотрудников проскальзывала предубежденность и враждебность к инакомыслящим, особенно к правым и национально настроенным элементам» [5, с. 388]. Солидарность высказанных мыслей с содержанием и тональностью приведенного выше приказа генерала Врангеля не требует комментариев.

Стремление Врангеля декларировать опору на демократию и уйти от явно монархической риторики приводило к тому, что цензура «редактировала» не только умеренно левые издания, но и правые. Так, из интервью министра земледелия сенатора Глинки цензура вычеркнула текст, в котором проводилась мысль, что земельная реформа лишь тогда будет иметь успех, когда будет санкционирована «всесообъемлющей царской властью» [1, с. 345]. Усердие цензоров не знало границ. Дело доходило до того, что, по рассказу Врангеля, «... цензура вычеркнула однажды его официальную речь, как «слишком революционную». Та же цензура, по его словам, забрала заметку, лично составленную Кривошеинным, ссылаясь на то, что она «подрывает существующий государственный порядок» [3, с. 441].

Наиболее острая реакция власти на публикации в газетах, вплоть до закрытия некоторых из них, возникла в связи с «недостаточно четкой» деятельностью цензоров, которые пропускали нежелательные материалы. В отношении правых изданий такие эксцессы были связаны в основном в связи с имевшими место откровенной проповедью монархических взглядов и антисемитскими настроениями. По этому поводу Н. Росс высказывает суждение, что «... власти, пожалуй, доставляла больше забот

пресса правого направления...» [4, с. 278]. Но в этом вопросе существует и другое мнение. «Бывало, что какая-нибудь правая рептилия говорила больше, чем полагалось, и тогда Врангель ее сдерживал. Но такие случаи были редки» [2, с. 385].

Таким образом, можно констатировать, что пресса Крыма, насчитывавшая около 20 газет, представляла собой довольно пестрый спектр сил, противопоставлявших себя большевикам, и в связи с этим имела различную социально-политическую окраску. Объединяющими факторами деятельности прессы, несмотря на неприкрытую неприязнь органов, представлявших интересы различных политических направлений друг к другу, были неприятие советской власти и поддержка последнего оплота против большевизма – генерала Врангеля.

Власть, заинтересованная в этой поддержке и создании мнения, прежде всего на Западе, о ее сотрудничестве с общественностью, уделяла делам прессы достаточно много внимания. Об этом свидетельствуют ее попытки более рационально и в соответствии с понятиями власти о задачах момента организовать управление и координацию деятельности прессы. Это вылилось в две реорганизации структуры управления деятельностью печати.

Сосредоточение в руках государственной власти политических, военных и экономических рычагов управления в условиях осадного положения Крыма приводило, с одной стороны, к возможности существования только лояльных к власти органов печати, с другой, — при декларируемой свободе слова, наличию жестких цензурных требований к публикациям. Поэтому при единстве целей власть и пресса, в зависимости от ее политической ориентации, по-разному понимали задачи и средства деятельности последней по их достижению. Это в свою очередь вело к неудовольствию сторон друг другом. Диктатура и «свободная» пресса могли сосуществовать только как союз обреченных.

Литература

1. Валентинов А. А. Крымская эпопея // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – М., 1991. – С. 335-366.
2. Оболенский В. Крым при Врангеле // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – М., 1991. – С. 367-398.
3. Раковский Г. Конец белых // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. – М., 1991. – С. 399-448.
4. Росс Н. Врангель в Крыму. – Frankfurt/Main: Посев, 1982.
5. Савич Н. В. Воспоминания. – СПб.; Дюссельдорф, 1993.